

150
Поэмы грации и красоты

В последние тридцать лет наши оперные театры и постановки одноактных балетов — этих поэтических и пленительных миниатюр на музыку Глинки и Чайковского, Листа и Шопена, Штрауса и Грига, Равеля и Сен-Санса — мало обрабатывались. Новая волна интереса к этому, не совсем обычному сценическому жанру поднялась лишь года два назад, когда ленинградские и московские театры с большим успехом показали несколько одноактных балетов.

Со всем недавно, в начале января, премьеру одноактных балетов показал таллинцам и театр «Эстония». В программу вечера вошли три миниатюры: «Шопениана», «Штраусиана», «Болеро». Постановку их осуществил заслуженный деятель искусств РСФСР и ЭССР старейший и крупнейший мастер советской хореографии Владимир Бурмейстер. Работа Бурмейстера сделана с настоящим чутьем поэта и художника, с исключительной художественной заочностью не только одной хореографической миниатюры, но и отдельных танцевальных номеров, отдельных сцен и всего спектакля в целом.

Это ощущение законченности больше всего оставляет «Шопениана» с ее поэзией, чувствующейся буквально во всем: в музыке, печальной и светлой, в костюмах, воздушных и изящных, в танцах, легких и грациозных, в образах, созданных артистами балета. «Шопениана» Бурмейстера — это настоящий большой балет, достойный высокой похвалы.

Из исполнителей этого спектакля следует выделить, прежде всего, Хельми Пуур. Какой пленительный, живой и нежный образ создает балерина! Кажется, перед нами не видение, не призрак, а живое, трепетное существо, с душой, обожженной любовью. У Хельми Пуур образ этот живет в необыкновенной легкости ее танца, во всех ее па и

движениях. О Хельми Пуур нельзя сказать: вот здесь начинается ее танец, а вот здесь — ее образ. Все в ней слито в одно цельное, большое, обаятельное. Хельми Пуур в «Шопениане» не повторяет то, чего она ранее достигла Одеттой, Жизелью, Тийной. Здесь танец ее, как ни в каком другом балете, изящен и воздушен. И это закономерно. Музыка Шопена требует предельной легкости исполнения, иначе теряется очарование «романтической грезы», как отмечал первый постановщик «Шопенианы», замечательный русский балетмейстер Михаил Фокин.

Успеху «Шопенианы» Владимира Бурмейстера способствует не только Хельми Пуур, но и кордебалет, состоящий из талантливых молодых балерин. Все они танцуют на редкость слаженно и ровно, благодаря чему от постановки остается еще более хорошее впечатление. Роль Художника в паре с Хельми Пуур исполняет Вернер Лоо. И танцевальной и с художественной сторонами этого образа артист, на наш взгляд, справился лишь отчасти. Вернер Лоо — неплохой партнер. Поддержки его уверенны и крепки, хотя и здесь бывают срывы, но танец артиста — тяжеловат, даже, пожалуй, несколько грубоват. В «Шопениане» танцевальная партия Художника невелика — всего несколько движений, но выполняет их Лоо чересчур скованно и тяжело. Танцу Лоо недостает законченности, красоты полета и смелости. Уж слишком быстро раскрывает артист душу Художника, ищущего и не находящего свою мечту среди являющихся ему призраков. Более удачна партия Художника в исполнении Эндрика Керге, чья трантовна этого образа и чей танец сделаны во многом сильнее и убедительнее. В паре с Эндриком Керге в «Шопениане» выступает талантливая Тийю Рандвийр. Однако рядом с Хельми Пуур Тийю Ранд-

вийр, при хорошей технике, проигрывает холодностью и строгостью исполнения.

Привлекает Тийю Рандвийр в балете «Штраусиана», где она с блеском проводит сложную партию Антрисы. Здесь строгость, даже некоторая надменность в построении образа и танца воспринимаются как успех. Вероятно, талант Тийю Рандвийр сильнее всего раскрывается в характерных партиях и меньше — в лирических. В «Штраусиане» танец Тийю Рандвийр размахист, смел и красив.

В балете на музыку Штрауса актерских удач немало. Заразительно легко исполняют польку Айме Лейс, Давид Шур, Хельги Ояло и Эрки Таннь. Смешана со своими воспитанницами гувернантка, которую так комично танцует Лия Лэстмаа. Воспитанниц исполняют Айги Рююттель и Хельги Ояло. В их танце и смущение, и гордость, и озорство. Яркость знаменитых вальсов Штрауса: «Голубой Дунай», «Сказки венского леса», «Венская кровь», полек и мазурок композитора Владимир Бурмейстер раскрыл с неповторимой красотой и поэтичностью языком хореографии.

Менее интересно получилось «Болеро» на музыку французского композитора Мориса Равеля. Возможно, пройдет еще несколько

представлений «Болеро», и оно выровняется, но пока в нем еще много недоделок. Главная из этих «недоделок» — кордебалет. «Болеро» Равеля предполагает строгость, стройность, ритмичность — качества, которых и недостает танцовщицам театра «Эстония». Если Эндрик Керге и особенно Эрки Таннь справляются со своими партиями неплохо, то другие уступают им. Недоработана и единственная женская партия «Болеро», исполняемая Юллой Уллой, хотя, несомненно, у антрисы есть все данные для создания сильного характерного образа. Пока же балерине не хватает размаха и отточенности движений, яркости танцевального рисунка.

Все три балета оформлены художником Эльдером Рентером с большим вкусом: скупо и выразительно. Выполненные по его же эскизам костюмы, особенно «Шопенианы» и «Штраусианы», отличаются разнообразием цветов, изяществом и простотой.

Поэмами грации и красоты можно назвать премьеру одноактных балетов в театре «Эстония», талантливо поставленных Владимиром Бурмейстером.

П. ЛУГОВСКОЙ.

На снимке: сцена из балета «Штраусиана» в исполнении Хельги Ояло и Эрки Таннь.

Фото А. АЛЛА.